

Тристан и Изолда

Жозеф Бедье

Жозеф Бедье (1864–1938) — выдающийся французский филолог и писатель, специалист по средневековой культуре.

«Тристан и Изольда» — одно из ключевых произведений Бедье, замечательный пересказ знаменитой кельтской легенды, в котором отразилось тонкое литературное дарование автора, его блестящее филологическое чутье и понимание мироощущения Средних веков.

Легенда повествует о любви, нечаянно связавшей тела и души рыцаря Тристана и прекрасной Изольды. Однако влюбленным не суждено быть вместе — Изольда вынуждена стать супругой дяди Тристана, корнуэльского короля Марка. Читатель узнает о верности и о печали разлуки, о ревности и коварстве, которое лишило влюбленных счастья и заставило их умереть в один день.

Жозеф Бедье

Тристан и Изольда

Глава I. Детские годы Тристана

Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как любили они друг друга к великой радости и к великой печали, как от того и скончались в один и тот же день — он из-за нее, она из-за него.

В былые времена царствовал в Корнуэльсе король Марк. Проведав, что его враги на него ополчились, Ривален, король Лоонуа, переправился через море ему на помощь. Служил он ему и мечом, и советом, как то сделал бы вассал, и служил столь верно, что Марк наградил его рукою сестры своей, красавицы Бланшефлер, которую Ривален полюбил несказанной любовью.

Он сочетался с нею браком в церкви Тинтагеля. Но едва успел он жениться, как до него дошли вести, что его старинный враг герцог Морган, обрушившись на Лоонуа, разоряет его земли, опустошает нивы и города.

Наскоро снарядил Ривален корабли и повез Бланшефлер, беременную, в свою дальнюю страну. Пристав у своего замка Канозель, он оставил

королеву на попечение маршалу своему Роальду, которому за его верность дали славное прозвище: Роальд Твердое Слово. Затем, собрав баронов, он отправился на войну.

Долго ждала его Бланшефлер. Увы, ему не суждено было возвратиться! Однажды она узнала, что герцог Морган вероломно убил его. Она не оплакивала его: ни стонов, ни сетований. Но ее члены сделались слабыми и безжизненными; душа ее страстно пожелала вырваться из тела. Роальд старался ее успокоить.

— Государыня! — говорил он. — Прикоплять горе к горю нет выгоды. Разве всем родившимся не предстоит умереть? Пусть же Господь примет умерших, и да сохранит Он живых!..

Но она не хотела его слушать. Три дня ждала она свидания с милым супругом; на четвертый родила сына и, взяв его на руки, сказала:

— Сын мой, давно желала я увидеть тебя: вижу прекраснейшее создание, какое когда-либо породила женщина. В печали родила я, печален первый мой тебе привет, и ради тебя мне грустно умирать. И так как ты явился на свет от печали, Тристан и будет тебе имя ¹.

¹ Имя Тристана созвучно с французским triste — печальный.

Так сказав, она поцеловала его и, как поцеловала, скончалась. Роальд Твердое Слово взял на воспитание сироту. Уже воины герцога Моргана окружили замок Каноэль. Как было Роальду долго выдержать войну? Правду говорят: «Отчаянность — не храбрость». Пришлось ему сдаться герцогу Моргану. Но из боязни, чтобы Морган не умертвил сына Ривалена, маршал выдал его за собственного ребенка и воспитал со своими сыновьями.

Спустя семь лет, когда наступило время взять мальчика из рук женщин, Роальд вверил его мудрому наставнику, славному конюшему Горвеналу. Скоро обучил его Горвенал искусствам, какие приличествовали баронам: как владеть копьем и мечом, щитом и луком, бросать каменные диски, перескакивать одним прыжком широчайшие рвы; научил его ненавидеть всякую ложь, всякое вероломство, помогать слабым, держать данное слово; обучил всякого рода пению, игре на арфе и охотничьему делу. Когда мальчик ехал верхом среди юных оруженосцев, казалось, что его конь, оружие и он сам составляли одно целое и нельзя было их разделить. Глядя на него, столь прекрасного, мужественного, широкоплечего, тонкого в талии, сильного, верного и храброго, все славили Роальда, что у него такой сын. А Роальд, памятуя о Ривалене и Бланшефлер, юность и прелесть которых оживала перед ним, любил

Тристана, как сына, и втайне чтит его, как своего повелителя.

Случилось так, что вся его радость окончилась в тот день, когда норвежские купцы, заманив Тристана на свой корабль, увезли его, как славную добычу. Пока они плыли к неведомым странам, Тристан метался, как молодой волк, попавший в капкан. Но известно по опыту, — и все моряки хорошо это знают, — что море неохотно носит корабли вероломных и не помогает похищениям и предательствам. Гневное поднялось оно, объяло корабль мраком и гнало его восемь дней и восемь ночей куда попало.

Наконец, моряки увидели сквозь туман берег, изрезанный утесами и подводными рифами, о которые должно было разбиться их судно. Они покаялись, поняв, что море разгневалось на них из-за этого ребенка, похищенного ими в недобрый час. Они дали обет отпустить его на волю и оснастили лодку, чтобы высадить его на берег. Тотчас же стихли ветры и волны, просияло небо; в то время как корабль норвежцев исчезал вдали, успокоенные и смеющиеся воды отнесли лодку Тристана к песчаному берегу.

С большим трудом взобрался юноша на утес и увидел, что за холмистой и пустынной степью простирается бесконечный лес. Он сокрушался, сожалея о Горвенале, Роальде, своем отце, и о земле

Лоонуа, как вдруг далекий звук охотничьего рога и оклики развеселили его сердце.

На опушке леса показался прекрасный олень. Свора собак и охотники неслись по его следам, голося и трубя. Но когда несколько ищеек повисло на загровке зверя, он пал в нескольких шагах от Тристана на задние ноги при последнем издыхании, и один из охотников ударил его копьем. Между тем как, собравшись в кружок, они трубили об удаче, Тристан с удивлением увидел, как старший охотник полоснул оленя по горлу, словно собираясь его перерезать.

— Что делаете вы, господин мой? — воскликнул он. — Пристало ли свежевать столь благородное животное, как свежую заколотую свинью? Разве таков обычай этой страны?

— Друг мой, — ответил охотник, — что сделал я такое, что могло бы тебя удивить? Да, я отниму сначала голову оленя, потом рассеку тушу на четыре части, которые мы и отвезем, привязав к луке наших седел, королю Марку, нашему повелителю. Так поступаем мы; так поступали жители Корнуэльса со времен древнейших охотников. Если, однако, тебе знаком более достойный обычай, покажи нам его: вот тебе нож, друг мой, мы охотно у тебя поучимся.

Встав на колени, Тристан содрал с оленя шкуру, прежде чем разнять его; затем разнял, как

подобало, не трогая крестца, отобрал потроха, морду, язык, ядра и сердечную жилу.

И охотники, и доезжачие, склонившись над ним, смотрели и любовались.

— Друг! — сказал главный охотник. — Обычай этот прекрасен. В какой стране научился ты ему? Скажи нам, откуда ты родом и как тебя звать?

— Господин мой, зовут меня Тристаном, а выучился я этому обычаю в моем отечестве Лоонуа.

— Тристан! — сказал охотник. — Да воздаст Господь отцу, который так достойно воспитал тебя. Он, наверно, барон, богатый и могучий.

Тристан, умевший не только хорошо говорить, но и с толком молчать, ответил ему хитро:

— Нет, господин, отец мой — купец; я же тайно покинул дом на корабле, который отправлялся торговать в дальние страны, ибо хотел узнать, как в чужих землях живут люди. Если вы примете меня в число своих охотников, я с удовольствием пойду за вами и обучу вас, господин, и другим утехам охоты.

— Дивлюсь я, Тристан, что есть такая страна, где сыновья купцов знают то, чего в других землях не ведают дети рыцарей. Ступай же с нами, если хочешь! Добро пожаловать: мы отведем тебя к королю Марку, нашему повелителю.

Тристан кончил разнимать оленя; он отдал собакам сердце, голову и внутренности и показал охотникам, как выделять долю для собак и подзывать их на рог. Затем, разместив на рогатинах хорошо приготовленные части оленьей туши, поручил их каждому охотнику в отдельности: одному — большой филей, другому — зад, этим — лопатки, тем — задние ноги, этому — оленьи бедра. Он научил их строиться попарно, чтобы ехать в хорошем порядке, согласно с достоинством тех частей дичи, которые торчали на рогатинах.

И вот они отправились в путь и ехали, беседуя, пока не очутились перед прекрасным замком. Его окружали луга, плодовые сады, живые воды, рыболовные тони и пахотные поля. Множество кораблей заходило в гавань.

Замок возвышался над морем, крепкий и красивый, хорошо защищенный против всякого приступа и осадных орудий; а главная его башня, некогда воздвигнутая великанами, была построена из каменных глыб, огромных и хорошо обтесанных, расположенных как зеленые и голубые клетки на шахматной доске.

Тристан спросил, как зовется замок.

— Зовут его Тинтагель.

— Тинтагель? — воскликнул Тристан. — Да будешь ты благословен от Бога, ты и твои хозяева!

Здесь, добрые люди, некогда в великом

веселии отец его Ривален сочетался браком с Бланшефлер. Но, увы, Тристан не знал об этом! Когда они подъехали к замковой башне, звуки охотничьих рогов привлекли к воротам баронов и самого короля Марка.

Когда старший охотник рассказал ему о приключившемся. Марк залюбовался прекрасным распорядком поезда, хорошо свежаванным оленем и великим смыслом охотничьего обихода. Но в особенности восхищался он чудным юношей-чужестранцем, и его глаза не могли от него оторваться.

«Откуда у меня эта внезапная нежность?» — спрашивал король свое сердце, а понять не мог. То была его собственная кровь, добрые люди: она-то заходила и заговорила в нем. То была любовь, которую он некогда питал к сестре своей Бланшефлер.

Вечером, когда унесли столы, уэльский жонглер ², мастер своего дела, появился среди собравшихся баронов и запел песни под звуки арфы.

Тристан сидел у ног короля. И когда певец сыграл прелюдию к новой мелодии, он обратился к нему с такой речью:

² Певец, музыкант, рассказчик.

— Песня эта лучше всех других: когда-то древние бретонцы сложили ее, чтобы прославить любовь Граэлента. Нежен ее мотив, нежны и слова. В пении ты искусен, сыграй ее получше.

Тот пропел, а потом спросил:

— Дитя мое, что понимаешь ты в искусстве музыки? Если купцы из земли Лоонуа также обучают своих сыновей игре на арфе, роте ³ и скрипке, то встань, возьми арфу и покажи свое искусство.

Тристан взял арфу и спел так прекрасно, что бароны, слушая его, умилялись, а Марк восхищался певцом из земли Лоонуа, куда в былое время Ривален увез Бланшефлер. Когда песня кончилась, король долго молчал.

— Сын мой! — сказал он наконец. — Да благословен будет учитель, который обучил тебя, благословен и ты Господом! Господь любит добрых певцов. Их голос и голос арфы проникают в сердца людей, пробуждают в них дорогие воспоминания и заставляют забывать многие печали и многие злодеяния. На радость нам ты вступил в этот дом. Остайся надолго со мной, друг мой.

— Я с удовольствием послужу вам, государь, как ваш певец, охотник и ленник.

³ Рота — маленькая арфа.

Так он и сделал. И в продолжение трех лет взаимная любовь возрастала в их сердцах. Днем Тристан сопровождал Марка в залу суда или на охоту; а ночью в королевском покое, где он спал вместе с другими ближними и верными людьми, играл на арфе, чтобы утолить горе короля, когда тот бывал печален.

Бароны души в нем не чаяли, особенно сенешал Динас из Лидана, как то покажет вам повесть. Но нежнее баронов и Динаса из Лидана любил его король. Однако, несмотря на их нежность, Тристан был неутешен, что утратил отца своего Роальда, наставника Горвенала и землю Лоонуа.

Добрые люди! Рассказчику, который хочет понравиться, пристало избегать слишком долгих повествований. Предмет этой повести так прекрасен и разнообразен, — к чему же удлинять рассказ? Вот я и скажу вкратце, как, проблуждав долгое время по морям и странам, Роальд Твердое Слово пристал к Корнуэльсу, нашел Тристана и, показав Марку карбункул, когда-то данный королем Бланшефлер как дорогой брачный подарок, сказал ему:

— Король Марк, этот юноша — Тристан из Лоонуа — ваш племянник, сын вашей сестры Бланшефлер и короля Ривалена! Герцог Морган несправедливо владеет его землей, пора бы вернуться

ей к законному наследнику.

Скажу вкратце, что, приняв от своего дяди посвящение в рыцари, Тристан поехал за море на корнуэльских кораблях, заставил боевых вассалов своего отца признать себя, вызвал на бой убийцу Ривалена, убил его и вступил во владение своей землей. Потом он размыслил, что король Марк не может более быть счастлив без него; и так как благородство сердца всегда указывало ему на самое мудрое решение, он созвал своих графов и баронов и так сказал им:

— Сеньоры Лоонуа! По Божьей милости и при вашей помощи я отвоевал себе эту страну, отомстил за короля Ривалена и воздал моему отцу должное ему. Но два человека, Роальд и король Марк Корнуэльский, поддержали сироту, скитавшегося бедняка, и мне подобает назвать их отцами; не обязан ли я им воздать должное? У именитого человека две собственности: его земля и его тело. И вот Роальду, которого вы здесь видите, я оставляю мою землю. Отец мой, вы будете владеть ею, а ваш сын после вас. Королю же Марку я отдаю свое тело; я покину эту страну, хотя она мне и дорога, и пойду в Корнуэльс служить моему господину Марку. Таково мое решение. Но вы, сеньоры Лоонуа, мои ленники и обязаны мне советом. Итак, если кто из вас хочет внушить мне другое решение, пусть встанет и заговорит.

Все бароны со слезами на глазах похвалили Тристана. А он, взяв с собой одного Горвенала, направился в страну короля Марка.

Глава II. Морольд Ирландский

Когда Тристан туда вернулся. Марк и все его бароны были в глубокой печали, ибо король Ирландии снарядил флот, чтоб опустошить Корнуэльс, если Марк вновь откажется, как то делал в течение пятнадцати лет, платить дань, которую некогда платили его предки.

Да будет вам ведомо, что по старым договорам ирландцы имели право взимать с жителей Корнуэльса в первый год триста фунтов меди, во второй триста фунтов серебра, а в третий — триста фунтов золота; когда же наступал четвертый год, они брали триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста, избранных по жребию из корнуэльских семей. И вот в этот год король послал в Тинтагель со своим требованием исполинского рыцаря Морольда, на сестре которого он был женат и которого никто никогда не мог победить в бою.

Король Марк письмами за своей печатью собрал ко двору всех баронов своей земли, чтобы с ними держать совет. В назначенное время, когда бароны собрались в сводчатую залу дворца и Марк

уселся на троне, Морольд повел такую речь:

— Король Марк, услышь в последний раз наказ короля Ирландии, моего повелителя! Он приглашает тебя уплатить, наконец, дань, которую ты ему обязан. А за то, что ты долго в ней ему отказывал, он требует, чтобы ты выдал мне сегодня же триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста, избранных по жребию из корнуэльских семей. Корабль мой, стоящий на якоре в гавани Тинтагеля, увезет их, и они станут нашими рабами. Но если кто-либо из твоих баронов (я исключаю лишь тебя, король Марк, как то и подобает) захотел бы доказать единоборством, что король Ирландии взимает эту дань незаконно, я приму его вызов. Кто из вас, сеньоры Корнуэльса, желает вступить в бой за свободу своей страны?

Исподлобья переглядывались бароны друг с другом, а затем потупляли головы. Один говорил себе: «Погляди, несчастный, каков Морольд Ирландский! Он будет сильнее четырех здоровенных бойцов. Погляди на его меч: разве ты не знаешь, что он заколдован, что он сносил головы смелым рыцарям с тех самых пор, как король Ирландии посылает этого великана с вызовом в подвластные ему земли? УГОДНО ли тебе, бедняге, пойти на смерть? К чему искушать Господа?» Другой думал: «Разве я воспитал вас, милые сыновья, для рабской доли? Вас, милые дочери, для

доли распутниц? Но ведь смерть моя не спасла бы вас». И все молчали.

Еще раз сказал Морольд:

— Кто из вас, сеньоры Корнуэльса, хочет принять мой вызов? Я предлагаю ему прекрасный поединок: в три дня от Гинтагеля мы доедем на лодках до острова Святого Самсона. Там ваш рыцарь и я будем биться один на один, и будут честь и слава его роду, что он отважился на бой.

Они продолжали молчать. Морольд походил на кречета, запертого в клетке с маленькими птичками: когда он является, все умолкают.

И в третий раз заговорил Морольд:

— Что же, доблестные сеньоры Корнуэльса, если такая участь кажется вам более достойной, выбирайте ваших детей по жребию: я их увезу. Не думал я, что страна эта населена одними рабами.

Тогда Тристан преклонил колени перед королем Марком и сказал:

— Властитель и государь, если будет на то ваша милость, я выйду на бой.

Тщетно пытался отговорить его король Марк: рыцарь он молодой, к чему послужит его отвага? Но Тристан бросил Морольду рукавицу, и Морольд ее поднял.

В назначенный день Тристан стал на ковре из драгоценной пурпурной ткани и велел вооружить себя для великого подвига. Он обрядился в панцирь

и шлем из вороненой стали. Бароны плакали от жалости к храбрецу и со стыда за себя. «О Тристан, — говорили они, — смелый боец, прекрасный юноша! Почему не я, а ты решился на этот бой? От моей смерти было бы всем меньше печали!..»

Звонят в колокола; и все бароны и мелкие люди, старцы, дети и женщины плачут и молятся, провожая Тристана до берега. Они еще надеются: ведь надежда в сердцах людей питается и малым. Тристан сел в лодку один и направился к острову Святого Самсона. Морольд натянул на мачту своей ладьи роскошный пурпурный парус и первым прибыл на остров. Он привязывал свое судно у берега, когда Тристан, причалив, ногой оттолкнул в море свое.

— Что ты делаешь, вассал? — спросил Морольд. — Почему не привязал свою ладью канатом, как я это сделал?

— К чему это, вассал? — ответил Тристан. — Лишь один из нас возвратится отсюда живым: или мало ему будет одной ладьи?

И оба, возбуждая друг друга бранными словами, направились в глубь острова.

Никто не видел жестокой битвы. Но трижды всем почудилось, будто морской ветер донес до берега яростный крик; и тогда в знак горести женщины били себя в грудь, а сотоварищи

Морольда, собравшись в стороне у своих шатров, смеялись. Наконец, около полудня увидели вдали пурпурный парус: ладья ирландца отчалила от острова. И раздался крик ужаса: «Морольд, Мерольд!»

Ладья все приближалась, и внезапно, когда она взлетела на гребень волны, на носу ее увидели рыцаря, в руках которого было два поднятых меча: это был Тристан.

Тотчас двадцать ладей устремилось ему навстречу, а юноши бросились вплавь. Храбрец выскочил на берег; и в то время как матери, стоя на коленях, целовали его железные наколенники, он крикнул сотоварищам Морольда:

— Сеньоры ирландцы, славно сражался Морольд! Смотрите, меч мой зазубрен; кусок лезвия засел глубоко в его черепе. Возьмите же, сеньоры, этот кусок стали: то дань Корнуэльса.

Он стал подниматься к Тинтагелю. На его пути освобожденные им юноши с громкими криками махали зелеными ветками, и окна украсились роскошными завесами. Но когда среди радостных песен, под звуки колоколов, труб и рогов, столь громких, что нельзя было бы слышать и Божьего грома, Тристан добрался до замка, он упал на руки к королю Марку, и кровь потекла из его ран.

В великом унынии вернулись в Ирландию

спутники Морольда. Бывало, возвращаясь в гавань Вейзефорд, Морольд радовался, что снова увидит своих людей, которые толпой будут приветствовать его, увидит королеву, сестру свою, и племянницу, белокурую Изольду с волосами цвета золота, чья краса уже сияла, как занимающаяся заря. Они оказывали ему ласковый прием и если он бывал ранен, исцеляли его, ибо им ведомы были мази и настои, которые оживляли раненых, почти уже мертвецов. Но на что теперь эти волшебные снадобья, травы, собранные в урочный час, разные зелья? Он лежал бездыханный, зашитый в оленью шкуру, и обломок вражеского меча еще торчал в его черепе. Белокурая Изольда извлекла его и спрятала в ларец из слоновой кости, драгоценный, как ковчежец для мощей. Я склонившись над огромным трупом, без конца повторяя хвалы усопшему и беспрестанно посылая одно и то же проклятие его убийце, мать и дочь поочередно руководили погребальным причитанием женщин.

С этого дня белокурая Изольда научилась ненавидеть имя Тристана из Лоонуа.

Между тем в Тинтагеле Тристан хирел: зараженная кровь сочилась из его ран. Лекари поняли, что Морольд вонзил в его тело отравленное копьё; и так как их снадобья и противоядия не могли его спасти, они предоставили его Божьему милосердию. Из его ран исходило такое ужасное

зловоние, что самые близкие друзья избегали его — все, исключая короля Марка, Горвенала и Динаса из Лидана. Они одни могли оставаться у его изголовья: их любовь превозмогала отвращение. Наконец, Тристан приказал отнести себя в хижину, построенную в стороне, на берегу, и здесь, лежа у волн, ожидал смерти. Ему думалось: «Итак, ты покинул меня, король Марк, — меня, который спас честь твоей земли? Нет, я знаю, милый мой дядя, что ты отдал бы свою жизнь за мою; но чему помогла бы твоя любовь? Приходится умирать! Но как сладко все же видеть солнце; да и сердце мое еще не утратило мужества. Хочу вверить себя морю и его случайностям. Я желал бы, чтоб оно унесло меня одного далеко. К какой земле? Не знаю. Но там, быть может, я найду того, кто меня исцелит. И, может быть, я еще послужу тебе когда-нибудь, славный мой дядя, как арфист, как охотник и твой верный вассал».

Он так молил короля Марка, что тот склонился к его просьбе. Он сам отнес его в ладью без весел и паруса; по желанию Тристана с ним положили одну лишь его арфу. К чему паруса, когда его руки не могли бы их распустить? К чему весла, к чему меч? И как моряк во время долгого плаванья бросает за борт труп старого товарища, так и Горвенал дрожащими руками оттолкнул в море ладью, в которой лежал милый его сын, и

море ее унесло.

Семь дней и семь ночей оно тихо несло Тристана. Порой он играл на арфе, чтобы утолить свою муку. Наконец море, незаметно для него, пригнало его к берегу. Как раз в эту ночь рыбаки выехали из гавани, чтобы закинуть в море сети, и плыли на веслах. Вдруг они услышали нежную мелодию, смелую и живую, скользившую по поверхности вод. Недвижимые, подняв весла над головой, они прислушивались. При первом свете зари они заметили блуждавшую ладью. Они говорили друг другу: «Так овевала неземная музыка ладью Святого Брендана ⁴, когда он плыл к Счастливым островам по морю, которое было белее молока». Они принялись грести, чтобы догнать ладью; а она шла наугад, и, казалось, ничего в ней не было живого, кроме голоса арфы. Но по мере того, как они приближались, мелодия затихала и, наконец, умолкла; когда они подъехали, руки Тристана упали неподвижно на еще дрожащие струны. Рыбаки подобрали его и вернулись в гавань, чтобы поручить раненого своей

⁴ Св. Брендан — аббат, основал много монастырей в Англии. Согласно легенде, уплыл на райские (счастливые) острова. Легенды о Св. Брендане впитали в себя кельтские предания о плавании Брана на Острова Блаженства.

милосердной госпоже в надежде, что она, может быть, сумеет его излечить.

Увы, гавань эта была Вейзефорд, где покоился прах Морольда, а госпожа их была белокурая Изольда! Она одна, сведущая в целебных зельях, могла спасти Тристана, но из всех женщин она одна желала его смерти.

Когда, оживленный ее знахарством, Тристан пришел в себя, он понял, что волны выбросили его на землю, исполненную для него опасностей; но, достаточно смелый, чтобы защитить свою жизнь, он быстро сумел найти красноречивые и хитрые слова. Он рассказал, будто он жонглер, который сел на торговый корабль и направился в Испанию, чтобы научиться искусству читать по звездам; морские разбойники напали на его корабль; раненный, он спасся на лодке. Ему поверили. Никто из сотоварищей Морольда не признал в нем прекрасного рыцаря острова Святого Самсона: так ужасно исказились от яда его черты. Но когда спустя сорок дней златовласая Изольда его почти уже излечила, когда в его теле, снова сделавшемся гибким, начала возрождаться прелесть юности, он понял, что ему надо удалиться. Он бежал и после многих опасностей однажды снова предстал перед королем Марком.

Глава III. Поиски златовласой

красавицы

При дворе короля Марка, добрые люди, были четыре барона, вероломнейшие из всех людей; они ненавидели Тристана жестокой ненавистью за его доблесть и за нежную любовь, которую питал к нему король. Я могу назвать их вам по именам: Андрет, Генедон, Гондоин и Деноален; из них герцог Андрет приходился королю Марку племянником, как и Тристан. Зная, что король намеревался умереть бездетным, чтобы завешать свою землю Тристану, они распалились завистью и стали наветами возбуждать против Тристана баронов Корнуэльса.

— Сколько чудесного в его жизни! — говорили эти предатели. — Но вы, сеньоры, как люди умные, сумеете, без сомнения, объяснить себе это. Одно то, что он победил Морольда, уже великое чудо. Но каким волшебством мог он один, полумертвый, проплыть по морю? Кто из вас, сеньоры, сумел бы управиться с судном без весел и парусов? Колдуны, говорят, это могут. Далее, в какой волшебной стране мог он найти лекарство от своих ран? Конечно, сам он колдун. Да и ладья его была заговорена, так же как его меч и арфа, которая что ни день вливает яд в сердце короля Марка. Как сумел он покорить это сердце мощью и обаянием волшебства! Он станет королем, сеньоры, и вы

получите ваши земли от колдуна.

Они убедили в этом большинство баронов: ведь многие не знают, что вещи, совершаемые силою волшебства, может совершить и сердце силой любви и доблести. Поэтому бароны стали требовать от короля Марка, чтобы он взял себе в жены какую-нибудь принцессу, которая дала бы ему наследников; они грозили, что если он станет отказываться, они удалятся в свои крепкие замки, чтобы вести с ним войну. Король противился и в сердце своем клялся, что, пока жив его дорогой племянник, ни одна королевская дочь не взойдет на его ложе. Но тогда сам Тристан, которому крайне обидно было подозрение в корыстной любви к дяде, стал ему угрожать: пусть король подчинится воле своих баронов, иначе и он покинет его двор и перейдет на службу к славному королю Гавуа. Тогда Марк назначил своим баронам срок: через сорок дней он объявит им свое решение.

В назначенный день, один в своем покое, он ожидал их прихода и думал с грустью: «Где бы мне найти королевскую дочь, столь далекую и недоступную, чтобы я мог притвориться, — но только притвориться, — будто желаю ее себе в жены?»

В этот миг в открытое на море окно влетели две ласточки, строившие себе гнездо, и стали биться друг с другом; потом, внезапно

испугавшись, они улетели, но одна из своего клюва выронила длинный женский волос тоньше шелка, сиявший, как солнечный луч. Подняв его, Марк позвал баронов и Тристана и сказал им:

— Чтобы угодить вам, сеньоры, я возьму себе жену, если только вы разыщете ту, которую я избрал.

— Разумеется, мы готовы, дорогой наш государь. Но кто же та, на которой вы остановили свой выбор?

— Я выбрал ту, которой принадлежит этот золотой волос; и знайте, что никакой другой я не желаю.

— А откуда у вас, дорогой наш государь, этот золотой волос? Кто вам его принес? Из какой страны?

— Он у меня от златовласой красавицы. Две ласточки мне его принесли: они знают, из какой страны.

Бароны поняли, что они осмеяны и обмануты. С досадой взглянули они на Тристана, ибо подозревали, что он присоветовал эту уловку. Но Тристан, разглядев золотой волос, вспомнил о белокурой Изольде. Он улыбнулся и сказал:

— Король Марк, неправильно ты поступаешь. Разве не видишь, что подозрения этих сеньоров меня позорят? Но тщетно придумал ты эту насмешку: я отправлюсь на поиски златовласой

красавицы. Знай, что поиски эти опасны и что мне труднее будет возвратиться из ее страны, чем с острова, на котором я убил Морольда; но я хочу снова подвергнуть случайностям мое тело и жизнь ради тебя, мой славный дядя. А для того, чтобы твои бароны знали, что я люблю тебя бескорыстной любовью, я клянусь честью: либо я умру в этом деле, либо привезу в замок Тинтагель златовласую королеву.

Он оснастил доброе судно, нагрузил его пшеницей, вином, медом и другими припасами, посадил на него, кроме Горвенала, сто юных рыцарей знатного рода, выбранных из самых храбрых, и одел их в платье из грубой шерсти, в плащи из простого камлота, чтобы они походили на купцов; но под палубой корабля они спрятали богатые одеяния из золотой парчи, шелка и пурпура, какие приличествуют послам могучего государя. Когда судно вышло в открытое море, кормчий спросил:

— Дорогой господин мой, куда держать нам путь?

— Друг, держи путь в Ирландию, прямо в гавань Бейзефорд.

Содрогнулся кормчий. Не знал разве Тристан, что после смерти Морольда король Ирландии охотился за корнуэльскими судами, а пойманных моряков вешал на рогатинах? Тем не менее

кормчий послушался и доплыл до опасной страны.

Тристан начал с того, что уверил жителей Вейзефорда, будто его спутники — купцы из Англии, приехавшие сюда для мирной торговли. Но так как эти странного вида купцы проводили день в благородных играх в тавлеи ⁵ и шахматы и, казалось, лучше умели справляться с игральными костями, чем отвешивать пшеницу, то Тристан побоялся быть узнанным и не знал, как приняться за поиски. Однажды утром он услышал голос, такой страшный, что можно было принять его за крик злого духа. Никогда не слышал он зверя, который ревел бы так ужасно и диковинно. Он подозревал женщину, проходившую в гавани:

— Скажи мне, красавица, чей это голос, который я слышал? Не скрой от меня.

— Разумеется, господин мой, скажу вам без обмана. Это голос зверя, самого страшного и гнусного, какой только существует на белом свете. Каждый день он выходит из своей пещеры и становится у городских ворот. Никто не может ни войти, ни выйти, пока не выдадут дракону девушку; схватив в свои когти, он пожирает ее быстрее, чем человек успеваает прочесть «Отче наш».

— Не смейся надо мной, — молвил

⁵ Тавлеи игра вроде шашек.

Тристан, — а скажи: в состоянии ли человек, рожденный от матери, убить его в поединке?

— Доподлинно не знаю, дорогой господин. Но верно то, что двадцать испытанных рыцарей брались за этот подвиг, ибо король Ирландии оповестил через глашатая, что выдаст дочь свою, белокурую Изольду, за того, кто убьет чудовище; но чудовище всех их пожрало.

Расставшись с женщиной и вернувшись к судну, Тристан тайно вооружился. Любо было бы посмотреть, какой славный боевой конь вышел из купеческого корабля, какой могучий рыцарь на нем выехал! Но в гавани было пустынно: заря только что занялась, и никто не увидел храбреца вплоть до самых ворот, на которые указала ему женщина. Внезапно по дороге проскакали пять человек; прищпорив коней и бросив поводья, они мчались по городу. Тристан схватил одного из них за его рыжие заплетенные волосы, да так крепко, что опрокинул его на круп лошади и задержал:

— Да хранит вас Господь, сеньор! — сказал он ему. — По какой дороге идет дракон?

И когда беглец указал, Тристан отпустил его.

Чудовище приближалось. Голова у него была медвежья, глаза красные, как пылающие уголья, на лбу два рога, уши длинные и мохнатые, когти как у льва, хвост змеиный, тело чешуйчатого грифа.

Тристан пустил на него коня с такой силой,

что, хотя и щетинясь от ужаса, тот прыгнул на чудовище. Копье Тристана, коснувшись чешуи, разбилось вдребезги. Тогда храбрец обнажил меч, занес его и ударил дракона по голове, но не оцарапал даже его шкуры; однако чудовище почувствовало удар: оно выпустило когти, вонзило их в щит и оборвало его застёжки. С незащищенной грудью Тристан еще раз бросился на дракона с мечом и нанес в бок столь сильный удар, что он прозвенел в воздухе. Тщетно: ранить дракона он не может, а тот извергает из ноздрей потоки ядовитого пламени. Панцирь Тристана почернел, как потухший уголь; конь его пал. Быстро вскочив на ноги, Тристан вонзил свой добрый меч в пасть чудовища. Он проник в него весь и рассек пополам сердце. В последний раз испустил дракон свой ужасный крик — и издох.

Тристан отрезал у него язык и спрятал в карман; затем, шатаясь от едкого дыма, он пошел напиться к стоячей воде, которая поблескивала невдалеке. Но яд, сочившийся из языка дракона, нагрелся от его тела и отравил его: в высокой траве, которая окаймляла болото, храбрец упал без признаков жизни.

Надо вам сказать, что беглец с рыжими заплетенными волосами был Агингерран Рыжий, сенешал короля Ирландии, и что он домогался руки белокурой Изольды. Он был трус. Но таково

могущество любви, что каждое утро он садился, вооруженный, в засаду, чтобы напасть на чудовище; однако, еще издали заслышав его рев, смельчак этот обращался в бегство. В тот день в сопровождении своих четырех товарищей он осмелился вернуться и, увидев сраженного дракона, павшего коня и разбитый щит, рассудил, что победитель где-нибудь испускает дух. Тогда он отсек голову чудовища, отнес ее к королю и потребовал обещанную прекрасную награду. Король не поверил его храбрости, но, желая поступить с ним по закону, пригласил своих вассалов явиться ко двору через три дня: перед собравшимися баронами сенешал Агингерран должен был представить доказательства своей победы.

Когда белокурая Изольда узнала, что ее хотят выдать замуж за этого труса, она вначале долго смеялась, потом загрустила, но на следующий же день, подозревая подлог, она взяла с собой своего слугу, верного белокурого Периниса, и юную служанку, свою подругу Бранжъену, и все направились тайком к логовищу чудовища. На дороге Изольда заметила следы подков странного очертания: наверно, конь, который здесь проскакал, не был подкован в ее стране. Потом она нашла обезглавленное чудовище и павшего коня; он был взнуздан не по ирландскому обычаю. Конечно,

убил дракона приезжий человек, но жив ли он еще?

Изольда, Перинис и Бранжьена долго искали его; наконец среди болотных трав Бранжьена увидела блестящий шлем храбрела. Он еще дышал. Перинис взял его на своего коня и тайно отвез в женские покои. Там Изольда рассказала обо всем своей матери и поручила ей приежжего. Когда королева снимала с него доспехи, ядовитый язык дракона выпал из его кармана. Приведя рыцаря в чувство с помощью какого-то зелья, ирландская королева сказала ему:

— Я доподлинно знаю, чужеземец, что ты убил чудовище; а наш сенешал, вероломный трус, отрубил у него голову и требует в награду дочь мою, белокурую Изольду. Сумеешь ли ты через два дня доказать поединком, что право не на его стороне?

— Королева, — сказал Тристан, — срок очень короток; но вы, без сомнения, сумеете меня вылечить в два дня. Я добыл Изольду, убив дракона, может быть, снова добуду ее, победив сенешала.

Тогда королева, окружив его заботливым уходом, принялась варить для него сильнодействующие настои. На следующий день белокурая Изольда приготовила ему купанье и нежно растерла его тело мазью, приготовленной матерью. Ее глаза остановились на лице раненого.

Она увидела, что он красив, и задумалась: «Если его храбрость равна его красоте, мой боец, наверно, будет славно драться!» А Тристан, подкрепленный теплотою воды и силою благовоний, смотрел на нее и при мысли, что он завоевал златовласую королеву, усмехнулся. Изольда заметила это и подумала: «Почему усмехнулся этот чужеземец? Не сделала ли я что-нибудь такое, чего не подобало? Не пренебрегла ли какой-нибудь услугой, какую должна оказывать девушка своему гостю? Да! Он, должно быть, усмехнулся потому, что я не вычистила его доспехов, потускневших от яда».

И она пошла туда, где были сложены доспехи Тристана. «Вот шлем из доброй стали, — подумала она, он не изменит ему в трудный час! И панцирь крепок, легок, вполне достоин, чтобы его носил мужественный боец». Она взяла меч за рукоять: «Вот добрый меч под стать храброму барону!» Она вынула из драгоценных ножен окровавленный клинок, чтобы обтереть его. Видит, он сильно зазубрен. Смотрит на форму зазубрин... Уж не этот ли клинок поломался о череп Морольда? Она колеблется, смотрит еще раз, хочет проверить свои подозрения; бежит в комнату, где хранила осколок стали, некогда извлеченный из черепа Морольда; прикладывает осколок к зазубрине: еле виден след полома.

Тогда она бросилась к Тристану и, занеся над